

Гостевой дом «Фусинь».

Ночь давно вступила в свои права. За окнами бушевал тропический ливень. Почти во всех номерах на этаже погас свет — лишь в одном окне всё еще теплился одинокий огонек.

Плотные шторы закрывали раму, наглухо отсекая буйство непогоды. Включенный на проветривание кондиционер тихо и монотонно гудел. На полу у входа валялись брошенный зонт и вымокшая до нитки одежда, а из ванной доносился ровный шум воды.

— Не горячо? — Синчжи отрегулировал напор, смочил полотенце и осторожно коснулся щеки мальчика.

Аньхэн качнул головой, сжавшись в комок на дешевой пластиковой табуретке.

Условия в гостевом доме были спартанскими, а глубоких ссадин и синяков на теле ребенка оказалось слишком много, поэтому Синчжи набрал таз теплой воды и стал бережно обмывать его вручную.

Мальчика бил сильный жар, он еле держался прямо. Синчжи осторожно прижал его к себе:

— Опишись на меня. Если станет больно — сразу говори.

Без одежды ребенок казался совсем хрупким и истощенным: угловатые кости, острые ключицы и сплошные кровоподтеки. Синчжи прекрасно помнил, насколько паршивым было его собственное детство, но от вида этих увечий сердце все равно сжималось от жалости и глухой ярости.

— Брат, не смотри... — шептал Аньхэн, бредя от высокой температуры. Он судорожно обхватил себя руками, а затем попытался закрыть Синчжи глаза. Тонкие губы его дрожали: — Страшно... не смотри, брат, я уродливый...

Синчжи мягко перехватил его запястья и еще крепче прижал к себе, продолжая осторожно смывать грязь.

— Вовсе нет. Ну же, глупенький. Сейчас обмоемся, и я обработаю раны.

— Брат... — мальчик всё еще пытался сжаться, скрыть изувеченное тело.

— Я здесь, я рядом, — терпеливо отзывался Синчжи.

Он тщательно смыл с него грязь, прощупал суставы и тонкие ребра, проверяя, нет ли

переломов.

Лишь спустя некоторое время Аньхэн немного расслабился и опустил дрожащие руки, хоть его грудная клетка и судорожно вздрагивала от каждого прикосновения.

Синчжи сменил три таза воды, пока ему удалось отмыть верхнюю половину тела ребенка.

За исключением первой вспышки стыда, Аньхэн вел себя удивительно послушно. Если Синчжи случайно задевал ссадину, мальчик лишь невольно вздрагивал, но тут же замирал, пытаясь облегчить задачу старшему.

Вымыв ноги и ступни, Синчжи набрал свежей воды в последний раз:

— Встанешь? Силы есть?

Аньхэн кивнул и, ухватившись за предплечье Синчжи, с трудом поднялся на дрожащие ноги.

Окинув взглядом худенькую фигурку в промокших трусиках, Синчжи вложил ему в руку лейку душа:

— Я схожу за чистой одеждой. Закончишь — позови.

Аньхэн хотел что-то сказать, но лишь молча кивнул.

В тесной ванной стоял душный пар, пол залило водой, а одежда Синчжи снова вымокла насквозь. Недолго думая, он сбросил пропитавшуюся влагой футболку.

— Брат... — раздался из-за двери тихий голос. — Я всё.

— Иду.

Синчжи захватил чистые трусы и свою свежую рубашку:

— Держи. Новое, но тебе пока сильно велико. Потерпи до завтра, с утра ходим за твоим размером.

Завидев Синчжи на пороге, Аньхэн видимым образом расслабился.

— Спасибо, брат... — Он взял вещи, но от слабости и боли в суставах не смог даже поднять ногу и чуть не рухнул на скользкий кафель.

Синчжи мгновенно подхватил его под мышки:

— Осторожно. Давай, просовывай ногу.

Ощувив спиной тепло обнаженной груди Синчжи, Аньхэн на мгновение замер от неожиданности. Спустя секунду он послушно вытянул ножку.

Едва Синчжи помог ему натянуть белье, Аньхэн попытался встать, но старший просто подхватил его на руки и перенес на кровать, бережно укутав одеялом.

— Накинешь? — Синчжи встряхнул мужскую рубашку. — Или так будешь спать?

Мальчик сидел среди подушек и растерянно смотрел на обнаженный торс Синчжи.

Синчжи подождал ответа, а затем проследил за его взглядом и хмыкнул. Присев на край кровати, он накинул рубашку на угловатые плечи ребенка:

— Не заглядывайся. Вырастешь — и у тебя такие же мускулы будут.

Аньхэн смущенно опустил глаза и сжался:

—... Я не такой, как ты, брат.

— Это еще почему? — Синчжи взъерошил его мокрые волосы. — Вот увидишь, перегонишь меня. Будешь и выше, и крепче.

Он легко поторкал пальцем худенькое плечико и ребра мальчишки:

— И бицепсы вырастут, и кубики на животе появятся. Всё будет.

Аньхэн от щекотки тихонько ойкнул:

— Правда?

— Когда это я тебе вру?

В глубине темных глаз ребенка вспыхнули живые искорки.

Успокоив его, Синчжи достал пузырек с йодом и ватные палочки:

— Двинься ближе, обработаем ссадины.

Аньхэн послушно подвинулся.

— Потерпи, будет щипать, — предупредил Синчжи.

Раны выглядели ужасно: багровые полосы от кожаного ремня, темные синяки от тяжелых ботинок. Он берег этого ребенка как зеницу ока, окружил заботой, а тот снова оказался переломан и избит.

Заметив напряжение старшего, Аньхэн нервно шевельнулся:

— Брат...

Синчжи подавил вспышку закипающего гнева и тихо произнес:

— Прости. Я не уберег тебя.

Ему следовало забрать мальчика раньше. Не нужно было слепо полагаться на воспоминания из прошлой жизни и медлить.

Аньхэн внезапно схватил его за руку:

— Ты не виноват! Брат, не упрекай себя.

Он смотрел Синчжи прямо в глаза — твердо и с искренней верой.

От этой детской преданности Синчжи лишь тяжело вздохнул про себя.

— Ладно, не буду, — он попытался улыбнуться.

Закончив обработку ран, Синчжи поднялся с кровати.

— Ты куда?! — Аньхэн мгновенно перепугался и взмыл на ноги.

— Лежать, — Синчжи мягко уложил его обратно. — Наберу внизу жаропонижающего. Сварить тебе чего-нибудь? Лапшу? Кашу?

— Я с тобой! — выпалил Аньхэн, проигнорировав вопрос о еде.

— И думать не смей. — Синчжи приложил ладонь к его лбу: жар спадал, но лоб всё еще оставался горячим. — Лежи тихо.

Поразмыслив секунду, Синчжи расстегнул ремешок наручных часов и вложил их в ладонь мальчика:

— Смотри на тонкую стрелку. Когда она дойдет до тройки, я вернусь.

Аньхэн сжал тяжелый металл и промолчал.

Синчжи склонился и ласково коснулся своим лбом его лба:

— Я буду на первом этаже, в крошечной кухне. Честное слово, повернуться не успеешь. Будь умницей, хорошо?

— Возвращайся скорее... — выдохнул наконец Аньхэн.

Дверь щелкнула, и в номере снова воцарилась тишина.

Аньхэн так и остался сидеть на кровати, сжимая в пальцах часы.

Мягкий матрас и свежее белье казались чем-то невиданным — они дарили то сухое, ласковое тепло, которым благоухал сам Синчжи.

Мальчик до сих пор не мог поверить, что Синчжи отыскал его на свалке.

Это было его самое тайное убежище. Никто и помыслить не мог, что он прячется среди смердящих куч мусора. Аньхэн и сам ненавидел это место, но только там он чувствовал себя в безопасности: туда Отец Се не заглядывал, и можно было переждать, пока старый пьяница не протрезвеет и не остынет.

Увидев Синчжи среди мусорных гор, Аньхэн первым делом хотел сбежать. Ему было невыносимо стыдно перед ним за свой жалкий, уродливый вид.

Но избитое тело отказалось повиноваться.

А дальше произошло то, о чем он не смел и мечтать: Синчжи кинулся к нему и сжал в объятиях.

Прижал к себе — грязного, смердящего, истощенного — будто самую дорогую драгоценность на свете.

Вспышка молнии на миг озарила лицо Синчжи, и Аньхэн успел разглядеть его взгляд.

В нем были боль, сострадание, глухой гнев...

Но не было ни капли тошнотворного отвращения, которого он так боялся.

Пальцы мальчика крепче сжали ремешок.

Опустив веки, он неотрывно следил за размеренным ходом секундной стрелки, то и дело поглаживая подушечкой пальца гладкую сталь.

Когда до тройки оставалось секунд пятнадцать, Аньхэн перевел взгляд на дверь.

Три секунды.

Стоило ему свесить ногу с кровати, как замок щелкнул, и дверь распахнулась.

— А ну брысь под одеяло, — Синчжи оттолкнул дверь пяткой. В одной руке у него была пиала с горячим бульонным отваром, в другой — упаковка лекарств.

Аньхэн моментально убрал ногу:

— Брат, ты опять промок...

— Ливень не утихает, — вздохнул Синчжи. Это была уже третья испорченная за вечер футболка. Он привычно сбросил ее и кинул в раковину. — Сначала еда. Через полчаса — лекарство.

— Хорошо.

Пока они закончили со всеми делами, глубокая ночь перевалила за полночь.

Синчжи погасил свет, лег рядом и прижал мальчишку к себе:

— Завтра отпрошу тебя у учителя. Спи спокойно, ни о чем не думай.

Лекарство подействовало, Аньхэна сморила тяжелая дрема. Он вяло пробормотал что-то неопределенное и еще плотнее прижался к живому теплу.

— Брат...

Синчжи решил подняться и выключить кондиционер, но стоило ему сделать движение, как Аньхэн моментально встрепенулся в панике, спасаясь от одиночества.

Синчжи тут же опустился обратно на подушку:

— Я здесь, спи.

Слипающиеся веки мальчика едва поднимались, но он изо всех сил старался взглянуть в темноте в лицо старшего.

— Я не хочу завтра возвращаться домой... — тихо прошептал он.

Синчжи замер.

Впервые за всё время он увидел в этих смоляных глазах настоящую, оголенную незащищенность. Всепоглощающий страх оказаться брошенным.

Синчжи молчал несколько мгновений, а затем мягко прижал голову ребенка к своей шее:

— Мы не вернемся туда. Теперь твой дом — там, где я.

Тепло человеческого тела и родной запах полностью окружили мальчика.

— Засыпай, малыш.

Его лба коснулся невесомый, мягкий поцелуй.

Аньхэн затаил дыхание, его глаза на мгновение шире распахнулись в темноте.

— Спи. Проснешься — и всё будет хорошо.

Голос Синчжи звучал совсем рядом, ровные, убаюкивающие движения ладони по волосам успокаивали.

В этом размеренном стуке родного сердца таилась непреодолимая сила. Аньхэн наконец обмяк и закрыл глаза.

Уже погружаясь в небытие, он продолжал мертвой хваткой сжимать край рубашки Синджи.

Словно поклялся никогда её не выпускать.

<http://bllate.org/book/20111/1993326>